

КОНФЛИКТ И СТРАТЕГИИ ИНТЕГРАЦИИ В «СВЯЗАННОЙ ИСТОРИИ» ЕВРАЗИИ: проблема соотношения

О.Д. Шемякина

Памяти учителя И.Д. Ковальченко

Аннотация. Автор поставила перед собой цель наметить путь подхода к решению сложной исследовательской задачи: выявить соотношение феноменов конфликта и компромисса, их противоречивую взаимосвязь в историческом процессе в контексте «связанной истории» Евразии. Автор акцентирует внимание на том, что для того, чтобы достичь цели интеграции общества под своим началом, власть имущие должны не только создать гарантирующую их статус систему государственного насилия и жесткую иерархическую структуру управления, но и выработать стратегии компромисса с теми, кто стоит на других уровнях социальной пирамиды, а также с теми человеческими сообществами, которые маргинальны или автономны по отношению к власти. Автор считает, что стратегии компромисса опираются на структуры большой длительности и являются важнейшим фактором достижения и сохранения целостности социальных организмов самого различного характера в меняющихся исторических условиях. Среди подобных структур особо выделяется сложившаяся на протяжении тысячелетий система устойчивых контактов, прежде всего, многостороннего торгового обмена в рамках Великого шелкового пути. Контактных, в полной мере сохранивших своё значение в наше время.

Ключевые слова: конфликт, компромисс, управление многообразием, Великий шелковый путь.

296

Для цитирования: Шемякина О.Д. Конфликт и стратегии интеграции в «связанной истории» Евразии: проблема соотношения // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 296–306. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-296-306

CONFLICT AND INTEGRATION STRATEGIES IN THE “CONNECTED HISTORY” OF EURASIA: The Problem of Correlation

O.D. Shemyakina

In memory of my teacher I.D. Kovalchenko

Abstract. The author aims to outline a way to deal with a complex research problem which is to identify the relationship between the phenomena of conflict and compromise and their contradictory relationship in the historical process within the context of the

© Шемякина О.Д., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

“connected history” of Eurasia. O.D. Shemyakina focuses on the fact that in order to achieve the goal of integrating society under their rule, those in power must not only create a system of state violence guaranteeing their status and a rigid hierarchical management structure, but also develop strategies of compromise with those who stand at other levels of the social pyramid and with those human communities that are marginal or autonomous in relation to power. The author believes that strategies of compromise rely on structures of great duration and are the most important factor in achieving and maintaining the integrity of social organisms of various kinds under changing historical conditions. Among such structures, the system of sustained contacts developed over thousands of years, especially the multilateral trade exchange within the framework of the Great Silk Road stands out in particular. The contacts that have fully preserved their importance in our time.

Keywords: conflict, compromise, diversity management, the Great Silk Road.

Cite as: Shemyakina O.D. Conflict and Integration Strategies in the “Connected History” of Eurasia: The Problem of Correlation. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 3, part 2, pp. 296–306. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-296-306

Рассечение истории национальных государств на основании смены политических режимов или периодизация истории государств древности и Средневековья на основании смены династий привычны для исторического дискурса, категориальный аппарат которого насыщен понятиями, связанными с риском и насилием. Этот дискурс является вполне логичным способом упорядочивания событийной истории. Логичной является и значимость изучения публично-правовых актов в качестве одних из основных источников для изучения исторического процесса, ориентированного на дискретность. Акты определяют границы деятельности социальных институтов, правовой статус социальных групп, определяемых властью, границы политий, на которые распространяется данная власть. Власть порождает и гасит риски, опасные для общества, устанавливает отношения господства и подчинения как в собственных границах, так и вне их, формируя устойчивые геополитические конфликты.

«Ловушка Фукидида» — изящная метафора масштабных конфликтов, которые притягивают особое внимание историков

событийной истории. Она стягивает в одно смысловое поле конфликты древности и современности и является манифестом масштабной опасности, наступающей, когда набирающая силу держава соперничает с державой, в руках которой в это время находится власть, как это делали Афины в V веке до н. э. и Германия в конце XIX века. Большинство таких ситуаций соперничества оканчивались войной [1]. Модельной ситуацией являлись описанные Фукидидом Пелопонесские войны между Афинами и Спартой. Конфликт проходил стадии страха, вызванного поразительным подъемом Афин, угрозы, конкуренции, конфронтации и войны, которая разрушила оба государства [2, с. 252]. В ловушку попадали втянутые в конфликт стороны, и заканчивался он поражением втянутых в конфронтацию.

В настоящее время предметом горячих дискуссий является обсуждение вопроса о том, насколько вероятно этот сценарий будет реализован в отношениях США и Китая [там же, с. 252]. Интерес к этому виду конфликта продиктован масштабом взаимного разрушения, в котором логика соперничества порождает эскалацию

столь масштабного насилия, что возникает угроза нарастания хаоса рисков для человеческого сообщества, превосходящего по размерам конфликт первоначально втянутых в него сторон.

Логика развертывания конфликта и масштабного, и локального обнажает безусловность негативных последствий его эскалации, а вот для сознания исследователя эти негативные проявления человеческой деятельности (как ни парадоксально) являются комфортными из-за нахождения в зоне определенности. Ориентация в линиях разделения и противостояния сторон, завершения и исчерпывания конфликта создает иллюзию формальной ясности, не обремененную одновременным присутствием других тенденций, противоположных, например, когда общественные силы действуют в логике стратегии интеграции или дискурса единения, являющихся такой же онтологической реальностью, как и конфликт. Сознание исследователя, осуществляющего процедуры переплетения разных тенденций, погруженного в динамичный круговорот культурных связей и трансферов [3], может быть травмировано неизбежной путаницей, потому что однозначного ответа в этой исследовательской позиции быть не может. Динамичность онтологической ситуации является адекватным отражением, например, взаимодействия обновляющегося конфликта и действия инерции структур большой длительности, связанных с потребностью снижения рисков и перевода их в разряд управляемых.

Военные конфликты на территории Евразии с древнейших времен приводили к масштабному перекраиванию границ, усложняя полиэтничный состав новых территорий, увеличивая многообразие правовых традиций, создавали неизбежность сосуществования различных религиозных систем. Удерживание власти на

больших территориях ставило задачу выстраивания последовательных мер по централизации власти — от строительства дорог и фортификационных сооружений до централизации управления — в Персии, например, контроль достиг такого уровня, что регулировалось даже расположение отдельных прилавков на рынках и базарах [4, с. 88].

Масштабы территориальной экспансии, многообразие человеческих миров, включенных в политику, были таковы, что управление этим многообразием, несмотря на стремление к централизации, неизбежно было обречено на поиск компромисса с рассыпающейся множественностью человеческих миров, необходимого, чтобы удержать власть. Как ни парадоксально, но частотность и длительность конфликтов порождали противоположную тенденцию — поиска стратегий интеграции или, иными словами, дискурса единения. А это означало поиск разнообразных форм компромисса: от системообразующих до локальных и казуальных. Ключевым признаком раннеисламского периода и важной составляющей его успеха было сосуществование конфессий. Легкость нового режима проявилась и в вопросах управления. «Монеты римской чеканки использовались еще несколько десятилетий после завоевания наряду с новыми, внешне напоминавшими прежние. Также в целом остались нетронутыми и действующие правовые системы. Целый ряд существующих норм был позаимствован завоевателями, включая правила в вопросах наследования, приданого, клятв, браков, а также поста. В ряде случаев правители и чиновники в бывших сасанидских и римских владениях оставались на своих местах» [там же, с. 129]. Завоеватели оказались в меньшинстве, это означало, что сотрудничество с местным населением стало насущным вопросом [там же, с. 129].

Можно также в этой связи вспомнить напряженную, парадоксальную в своих неожиданных разворотах историю персидской ереси, манихейства, зона подпольного распространения которой доходила до Испании на западе и Китая на востоке и которая даже пришла на некоторое время к власти в Центральной Азии, в царстве уйгуров [5, с. 26]. «Мани, уроженец Месопотамии и сын приверженца иудео-христианской секты элкаситов, писавший по-арамейски и по-персидски, казненный около 277 г. сасанидским царем Бахрамом I <...> воспринял и зороастрийские, и буддийские воздействия, но решающим, пожалуй, оставался импульс, полученный им от сирийского христианства в достаточно характерной и распространенной “энкаритской” версии» [там же, с. 23–26].

В данном случае акт насилия, совершенный властью, не остановил, несмотря на ее ориентацию на зороастрийскую элиту и духовное противостояние, широчайший отклик, принятия огромным количеством людей того, что было в самом сердце и христианства, и буддизма, и зороастризма — их эзотерике [там же, с. 26]. Конфликт не только не отменил, но и породил стремление гонимых к поиску единства сердцевин смыслов религиозных систем Востока. И это была не просто «иранская ересь», а дискурс единения величайших религий Азии. Так логика борьбы за власть стала катализатором обретения духовного единства народов Ближнего Востока. А стабильность власти укоренялась за счет того, что люди, преследующие трансцендентные цели, на какое-то время становятся для власти безопасными.

Можно обратиться в качестве локального примера и к сцене примирения с вогульскими князьями. В данном случае инициатива дискурса единения исходила

от власти. «Церемония примирения состоялась 31 декабря 1484 года в городке Усть-Вымь — резиденции пермского владыки Филофея. Она представляла собой довольно странное зрелище. Под сумрачным взглядом епископа лесные люди, а вслед за ними и русские трижды обошли вокруг елки, увешанной сделанными из бересты священными жабами. Под елкой на медвежьей шкуре вогуличи разложили две сабли, рыбу и хлеб. Русские, чтобы ненароком не оказаться в роли идолопоклонников, водрузили на елке крест <...>.

В конце церемонии обе стороны в знак верности договору «с золота воду пили» <...>. Впрочем, будущее показало, что каждая сторона по-своему понимала условия договора.

Поверив в окончательное покорение Югры, Иван III с 1484 года включил в свой официальный титул имя владетеля Югорского» [6, с. 174].

В этом фрагменте присутствуют разные временные схемы, соответствующие разным подсистемам общества — политической и культурной. Если первая имеет четкую хронологическую ориентацию (дата изменения титулатуры), то вторая началась ранее и продолжилась дальше. В ней накапливались множественные точки начала, давшие жизнь такому феномену, как Азиатская Россия. В результате дальнейшего движения на восток появилась особая человеческая реальность, в которой воплотился уникальный опыт взаимодействия с автохтонными культурами. История повседневности дает возможность улавливать этот процесс как длительный, позволяет корректировать возможность применения таких понятий, как лимитроф (граница между варварским миром и цивилизацией), или фронт-тир, который появился в результате обобщения американского опыта колонизации. Дискурс единения, позволяющий создать

стабильность, может быть направлен на гегемонию власти, но в отличие от насилия ориентирован на нахождение баланса между принуждением и консенсусом [7, с. 15–17].

Длительное пребывание отечественных исследователей в марксистской парадигме не способствовало потребности перестраивать исследовательскую оптику. Привычно было изучать проблемы власти в рамках нормативных документов, не совмещая их с общественной практикой, в которой раскрывалась возможность их реального воплощения [8, с. 272–289]. Так, жесткие меры наказания в Московском царстве в отношении лиц, проигравших в местническом конфликте, часто не приводились в исполнение, как доказала в своей монографии Н. Коллманн. Эта стратегия имела своей целью адаптацию элиты к власти, сделать коммуникацию между общественными силами более гибкой и управляемой, реализуя метафору власти как семьи, в которой царь «печалуется», «кручинится» о своих подданных.

Нормативные акты дискретны, а метафоры власти относятся к структурам большой длительности. В средневековом праве возможность отмены действия нормы была такой же нормой, как и сама норма. Эта логика воспроизводилась и в другое историческое время, когда появлялась необходимость «приручения» тех или иных общественных сил. Тогда в реализации политической воли обнаруживалась способность к «отеческой заботе», которая была непредсказуема, но эффективна: реализации этих сценариев власти сложнее сопротивляться.

Власть создавала ситуацию управляемого хаоса, манипулируя элитой, сама также приспособляясь к хаосу многообразия в управлении локальными сообществами. Это видно на примере

создания земских институтов, когда власть искусно вмешивала в традиционные институты самоуправления, также относящихся к структурам большой длительности, своих представителей [9]. Стабильность, необходимая для достижения правительственным институтом своих целей, достигалась сознательным манипулированием архаичными структурами в целях реализации актуальных политических интересов.

Что объединяет приведённые примеры, относящиеся к столь разным человеческим мирам? Конфликт ситуативен, зависит от множества конъюнктур, а дискурс единения вырастает из структур большой длительности — привычки к посредничеству арабов, которые завоевывали народы, двигаясь по торговым путям; родовому началу власти в истории русского государства, устойчивой роли локальных миров с их традициями самоуправления, необходимости взаимодействия с архаикой в процессе колонизации огромных территорий в истории России и поиску элементов религиозного опыта, способного к диалогу на этом пространстве; потребности в аскезе и эзотерике народов Ближнего Востока, в полной мере познавших горечь одиночества в подавляющих личность политиях Востока — стабильность в данной ситуации обреталась в автономии от брэнного бытия.

К структурам большой длительности относится не только социальная история, но и естественная. По мнению Х. Йордхайм, в современных условиях возрастает интерес не к мультитемпоральным историческим процессам самим по себе, а к множественности времен, пересекающих границы природного и исторического мира [10]. Новая историография, по мнению исследовательницы, должна быть включена в масштабную теорию, способную охватить множество уровней существования

и темпоральных шкал, в рамках которых историческое время людей переплетается с историческим временем скальных пород и отложений, и тогда у нас появится больше возможностей соединиться с природным целым [там же, с. 115]. Идея «прогресса» постепенно теряет значительную часть своего объяснительного потенциала. «Неожиданно самые глубокие, медленные и потому ранее не привлекавшие к себе внимание слои выходят на поверхность и приобретают характер событий — погодные катаклизмы и природные катастрофы, повышение уровня углекислого газа в атмосфере и соответствующие политические решения или отсутствие таковых» [там же, с. 113].

Поэтому «на сцену возвращаются и другие хронологии — био-, гео- и космохронологии, способные подчинить человека масштабам, ритмам и деятельности природы» [там же, с. 114].

В нашей теме естественная история играла и продолжает играть огромную роль. Евразийский широтный коридор степей, пустынь и полупустынь, соединяющий страны Леванта и Китая, стал основой беспрецедентной в мировой истории ландшафтной оси, пронизывающий Восток и Запад и ставший предпосылкой динамизации социальной жизни континента [11]. Номадизм может быть рассмотрен во множестве социальных проекций. Вызовы воинственных кочевников политиям древности и средних веков требовали ответов — мобилизации огромных армий и военных походов, а также развития многообразной этнодипломатии и установления обширной торговой сети, ставшей логистической основой континентальной экономики, а также транзитом идей и технологий.

Номадизм как социальное явление появился в результате перемещения людей и товаров, а оно было невозможно без

включения в оседлые общества общин этнически чуждых им номадов, занятых широким спектром «кочевых» занятий. Главными объектами деятельности и ресурсами номадов были люди, которым они предлагали посреднические услуги, а не природа. Движение было связано не только с деятельностью особой категории людей, которые специализировались на посредничестве.

Евразийский коридор был зоной сверхинтенсивных контактов, динамизирующих контуры социальной жизни оседлого населения, включенного также в процессы обмена, взаимодействия разных религиозных традиций и влияния множества локальных принадлежностей. Оседлое население, постоянно испытывавшее давление как со стороны народов, ведущих кочевой образ жизни, так и со стороны особой категории людей, основным занятием которых было посредничество, и само было вынуждено постоянно меняться. Процесс идентификации носил текучий характер, находясь в процессе постоянного обновления и смены [12, с. 235–236]. Переход с одной семиотической системы к другой был характерен и для взаимодействия языков, породивших особую культуру перевода, действующую вдоль торговых маршрутов [5, с. 3–50; 13, с. 712–734].

В современном нам мире константы, определившиеся в процессе освоения трансконтинентальных торговых путей, продолжают действовать. Древние сухопутные маршруты имеют отношение к транспортной логистике программы «Один пояс и один путь». Реализация этой программы будет означать возможность создания новой альтернативной глобализации. Различия и различения как необходимые элементы процесса идентификации в историческом ядре шелкового пути постоянно меняют свои очертания. Они прозрачны, поскольку люди их

преодолевают, превращаясь из «своего» в «чужого» и наоборот [12, с. 236]. Торговля шелком потеряла свою актуальность, но номады, воспитанные в традициях посредничества, остались и преодолели континентальные границы. Непропорционально высокому представительству армян и евреев в бизнесе и свободных профессиях Европы и Ближнего Востока соответствует роль китайцев в Юго-Восточной Азии, парсов в Индии, индийцев в Африке и ливанцев в Латинской Америке и на Карибских островах [14, с. 50–54].

И это дает нам основание для утверждения, что в широтном коридоре Евразии действовали структуры большой длительности, связанные с номадизмом как с движением товаров, людей, идей и технологий в физическом пространстве, а также с движением в сфере сознания, текучей идентичностью, изменчивой и ситуативной.

Конфликты на территории Евразии (как внутренние, так и внешние) невозможно рассматривать вне контекста этого широтного коридора, который подчинял социальность своей логике. Войны, масштабное перекраивание границ, строительство дорог представляли собой этатистский проект осваивания пространства, а вот перемещение людей, товаров и технологий подчинялось особой логике осваивания пространства, которая складывалась веками и была связана с глубоким осваиванием ресурсов территорий, через которые проходил этот коридор. Этот вид взаимодействия с пространством был трансграничен по отношению к отдельным политиям и связан с универсальными ценностями. Масштабное, глубокое освоение ресурсов, находящихся за тысячи километров от дома, но доступных благодаря неустанному движению номадов, формировало особую культуру потребления населения Евразии, для которой разнообразие предметов

потребления становилось рутинной привычкой. Игры обмена, в которых участвовали люди и вещи, рождали материальную культуру, в которой история народов становилась связанной [15]. Статус торговца и торговли даже в условиях конфликтов был особый. Он выпадал из логики политической конъюнктуры и находился в другом временном потоке по сравнению с дискретной политической историей. Так, Питер Франкопан приводит в качестве примера мнение испанского путешественника Ибн Джубайра о том, что пламя раздора горело на Святой земле между христианами и мусульманами, когда дело касалось политики и войн, но, когда речь заходила о торговле, путешественники передвигались беспрепятственно.

«Купцы могли быть уверены в своей безопасности независимо от их вероисповедания и от того, мирное время или военное. Это, как писал Ибн Джубайр, было следствием налаженных деловых контактов. Взаимные налоговые соглашения и суровые наказания за их несоблюдение обеспечивали сотрудничество [4, с. 211]. А крестоносец Эдуард I, король Англии, посетивший Святую землю в 1271 г., пришел в ужас от увиденного. Его «потрясли венецианцы, которые не только торговали с неверными, но и поставляли им материалы для создания осадных машин, которые затем использовались против христианских городов и крепостей» [там же, с. 239]. Обеспечение скорости передвижения, которую давал контроль за Шелковым путем, обеспечивало доступ к информации, идеям и технологиям, которые можно было перенять и использовать за тысячи километров от родного дома. Впоследствии в Азии возникли совершенно иные связи. Сеть охватывала не только города и оазисы, но и трубопроводы, которые соединяли скважины с Персидским заливом и со Средиземноморьем.

Если тонны специй были объектом потребления, включая массовое, то элитарное потребление нужно отметить особо. Предметы роскоши, связанные с высокохудожественной обработкой тканей, металла, драгоценных и полудрагоценных камней, были вещным и визуальным фиксированным способом утверждения иерархии, являющейся основой миропорядка, который был экстерриториален с точки зрения принадлежности к той или иной политике. Задачей государства было лишь стремление регулировать элитарное потребление. Достаточно вспомнить законы против роскоши в Византии [16]. Причем необычность обрабатываемого материала, его выдающиеся визуальные свойства только усиливали значение экстерриториальности — редкое, далекое, принадлежащее ограниченному кругу лиц. В результате на этом широтном поясе появился культурный фонд, принадлежащий и Европе, и Азии, определивший судьбы континентального искусства, в котором две части света были связаны в единое пространство.

Ингредиенты для красителей, используемых в живописи, привозили из Азии. Очень часто такие красители называли *oltremare de venesia*, то есть заморские венецианские товары. «В их число входили ярь-медянка, киноварь, пажитник, свинцово-оловянный желтый, жженая кость и сусальное золото. Самым продаваемым из них был глубокий синий, который получали из лазурита, добываемого в Центральной Азии. Представители золотого века европейского искусства — Фра Анджелино и Пьеро делла Франческа в XV в., а затем такие художники, как Микеланджело, Леонардо да Винчи, Рафаэль и Тициан, — своей возможностью использовать цвета, полученные из таких красителей, во многом обязаны расширению контактов с Азией [4, с. 266].

На керамическое производство в Харлеме, Амстердаме, Делфте большое влияние оказали предметы, импортируемые с Востока. «Доминировали китайские визуальные темы, а также характерные бело-голубые орнаменты. Они были разработаны столетиями ранее гончарами Персидского залива, а затем стали настолько популярны в Китае и Османской империи и так широко распространились, что стали отличительной чертой и голландской керамики в том числе. Имитация — не только высшая форма лести, но и способ приобщения к мировой материальной культуре, которая теперь соединяла Северное море с Индийским и Тихим океанами [там же, с. 345].

Совершенно очевидно, что список примеров можно бесконечно расширять, я сознательно остановилась на тех примерах из блестящей монографии П. Франкопана, в которых связи настолько глубоко впитаны в материальную культуру, что истоки влияния не видны на поверхности.

В сложных религиозных системах евразийского пространства было важным отделение сакрального от профанного, воплощенное в особой вещной среде. Их эстетика была вынесена из мира обыденности. Это в элементарных формах религиозной жизни мистическая сила была рассеяна в неисчислимом множестве вещей [17, с. 324]. Священные предметы, причастные этой силе, могли быть самыми ничтожными: в падающей капле дождя, снопе жатвы [там же, с. 343]. Культ сложных религиозных систем создавал вещную среду поражающей красоты, уносящей человека из рутины повседневности. Богатейшие ресурсы евразийского пространства (красители, металлы, драгоценные камни, редкие породы дерева, шелк и т. д.) давали неограниченные возможности материального воплощения мастерам, говорящим на сотнях языков и

работающих с материалом, привезенным за тысячи километров от места отправления культа. В качестве одного из примеров можно привести словник словаря предметно-бытовой лексики древнерусского языка [18].

Связанная история евразийского пространства изучает длительные человеческие потребности, сформированные на большом географическом пространстве,

которое невозможно расцезть на дискретное время политической истории. И она спасает от искушения искать прежде всего ловушки Фукидида — человеческая история продолжается, преодолевая конфликты, опираясь на огромное разнообразие структур большой длительности, аккумулирующих позитивный опыт человечества — они держат любую систему, управляя рисками и предохраняя ее от распада.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Allison, G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston–New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017. 384 p.
2. Глянц, М.Г., Росс, Р.Дж. *Один пояс и один путь. Долгий марш Китая в 2049 год*. М.: Международные отношения, 2021. 264 с.
3. Вернер, М., Циммерманн, Б. *После компаратива: histoire croisée и вызов рефлексивности // Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 59–90.
4. Франкопан, П. *Шелковый путь: дорога тканей, рабов, идей и религий: 2-е изд.* М.: Эксмо. 2021.
5. *От берегов Босфора до берегов Евфрата // Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н. э. / перев., предисл. и коммент. С.С. Аверинцева*. М.: МИРОС, 1994. 349 с.
6. Борисов, Н.С. *Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света: Россия в 1492 году от Рождества Христова, или в 7000 году от Сотворения мира*. М.: Академический проект, 2017. 395 с.
7. Bailey, F.G. *Gifts and Poison: The Politics of Reputation*. N.Y., 1971.
8. Коллманн, Н.Ш. *Соединенные честью Государство и общество в России раннего нового времени*. М.: Древлехранилище. 2001. 459 с.
9. Богословский, М. *Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.* М.: Синодальная типография, 1909.
10. Йордхайм, Х. *Множественное время и стратиграфия истории // Логос*. Т. 31. № 4. 2021. С. 95–118.
11. Даймонд, Дж. *Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ / пер. с англ.* М. Колопотина. М.: АСТ, 2010.
12. Абашин, С.А. *Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности*. СПб.: Алетейя, 2007. 304 с.
13. Эспань, М. *История цивилизаций как культурный трансфер / пер. с франц.; под общ. ред. Е.Е. Дмитриевой; вступ. статья Е.Е. Дмитриевой*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 816 с.
14. Слезкин, Ю. *Эра Меркурия. Евреи в современном мире*. М.: АСТ, 2019. 512 с.
15. Бродель, Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* Т. 3: *Время мира*. М.: Прогресс. 1992. 679 с.
16. Пигулевская, Н.В. *Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв.* М.: АН СССР, 1951. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=68551> (дата обращения: 15.08.2022).

17. Дюркгейм, Д.Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Изд дом «Дело»: РАНХиГС, 2018. 732 с.
18. Лукина, Т.Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка XI–XIV вв. М.: Наука, 1990. 176 с.

REFERENCES

1. Allison, G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston–New York, Houghton Mifflin Harcourt, 2017, 384 p.
2. Glyantz, M.G., Ross, R.J. *Odin poyas i odin put. Dolgij marsh Kitaya v 2049 god* [One Belt and One Way. The Long March of China in 2049]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2021, 264 p. (in Russ.)
3. Verner, M., Zimmermann, B. *Posle komparativa: histoire croisée i vyzov reflektivnosti* [After the Comparative: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity], *Ab Imperio*, 2017, No. 2, pp. 59–90. (in Russ.)
4. Frankopan, P. *Shelkovyy put: doroga tkanej, rabov, idej i religij* [Silk Road: The Road of Fabrics, Slaves, Ideas and Religions]. Moscow, Eksmo, 2021. (in Russ.)
5. *Ot beregov Bosfora do beregov Evfrata* [From the Shores of the Bosphorus to the Banks of the Euphrates]. In: *Antologiya blizhnjevostochnoj literatury I tysyacheletiya n. e.* [Anthology of Middle Eastern Literature of the First Millennium of the New Era]. Moscow, Moskovskij institut razvitiya obrazovatelnyh sistem, 1994, 349 p. (in Russ.)
6. Borisov, N.S. *Povsednevnyaya zhizn srednevekovoj Rusi nakanune konca sveta: Rossiya v 1492 godu ot Rozhdestva Hristova, ili v 7000 godu ot Sotvoreniya mira* [Everyday Life of Medieval Russia on the Eve of the End of the World: Russia in the Year 1492 of the Birth of Christ, or in the Year 7000 of the Creation of the World]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2017, 395 p. (in Russ.)
7. Bailey, F.G. *Gifts and Poison: The Politics of Reputation*. N.Y., 1971.
8. Kollmann, N.Sh. *Soedinennye chestyu Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego novogo vremeni* [The Honor-United State and Society in Early Modern Russia]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2001, 459 p. (in Russ.)
9. Bogoslovskij, M. *Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe v XVII v.* [Zemstvo Self-Government in the Russian North in the XVII Century]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya, 1909. (in Russ.)
10. Jordheim, H. *Mnozhestvennoe vremya i stratigrafiya istorii* [Plural Time and Stratigraphy of History], *Logos = Logos*, vol. 31, No. 4, 2021, pp. 95–118. (in Russ.)
11. Dajmond, J. *Ruzhya, mikroby i stal: istoriya chelovecheskih soobshchestv* [Guns, Microbes and Steel: The History of Human Communities]. Moscow, AST, 2010. (in Russ.)
12. Abashin, S.A. *Nacionalizmy v Srednej Azii: v poiskah identichnosti* [Nationalisms in Central Asia: In Search of Identity]. St. Petersburg, Aleteja, 2007, 304 p. (in Russ.)
13. Espagne, M. *Istoriya civilizacij kak kulturnyj transfer* [The History of Civilizations as a Cultural Transfer], ed. by E.E. Dmitrieva. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, 816 p. (in Russ.)
14. Slezkin, Yu. *Era Merkuriya. Evrei v sovremennom mire* [Era of Mercury. Jews in the Modern World]. Moscow, AST, 2019, 512 p. (in Russ.)
15. Braudel, F. *Materialnaya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 3: Vremya mira* [Material Civilization, Economy and Capitalism, XV–XVIII Centuries, vol. 3: Time of the World]. Moscow, Progress, 1992, 679 p. (in Russ.)

16. Pigulevskaya, N.V. *Vizantiya na putyah v Indiyu. Iz istorii trgovli Vizantii s Vostokom v IV–VI vv.* [Byzantium on the Way to India. From the History of Trade Between Byzantium and the East in the IV–VI Centuries]. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1951. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=68551> (accessed: 15.08.2022). (in Russ.)
17. Durkheim, D.E. *Elementarnye formy religioznoj zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia]. Moscow, Rossijskaya akademiya narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby, 2018, 732 p. (in Russ.)
18. Lukina T.N. *Predmetno-bytovaya leksika drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv.* [The Subject-Everyday Vocabulary of the Old Russian Language of the XI–XIV Centuries]. Moscow, Nauka, 1990, 176 p. (in Russ.)

Шемякина Ольга Дмитриевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, кафедра истории России до начала XIX века, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, shemyakinx3@gmail.com

Olga D. Shemyakina, PhD in History, Researcher, History of Russia before the Beginning of the XIX Century Department, Historical Faculty, Lomonosov Moscow State University, shemyakinx3@gmail.com

Статья поступила в редакцию 15.08.2022. Принята к публикации 02.09.2022

The paper was submitted 15.08.2022. Accepted for publication 02.09.2022